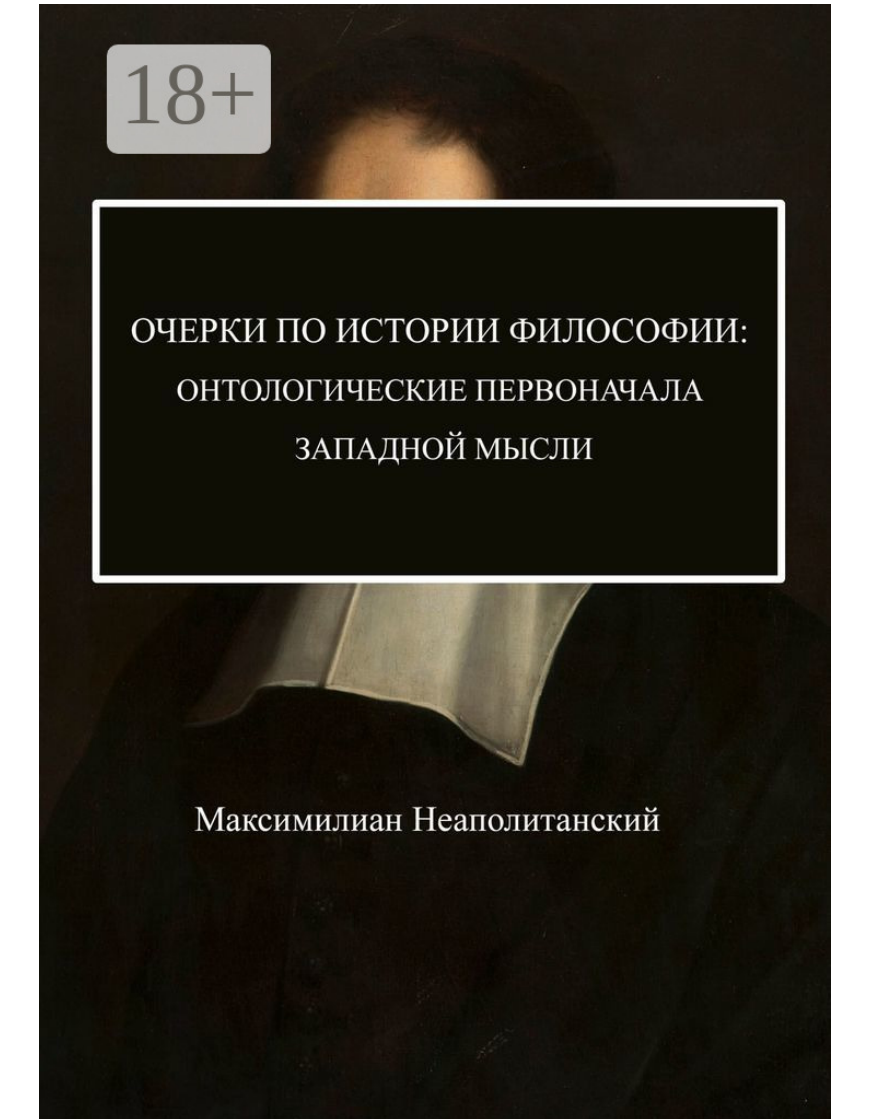

A dark, low-key portrait of a man, likely Maximilian Neapolitan, serves as the background for the book cover. The man has dark hair and is wearing a dark garment with a prominent, light-colored, possibly white, collar. The lighting is dramatic, highlighting the collar and the top of the head against a dark background.

18+

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРВОНАЧАЛА
ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ

Максимилиан Неаполитанский

Максимилиан Неаполитанский

Очерки по истории философии: онтологические первоначала западной мысли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57283556

ISBN 9785005126047

Аннотация

В данном сборнике собрано девять очерков по истории философии. Каждый из них представляет собой законченный сюжет, повествующий о том или ином мыслителе. Большую часть текстов в сборнике объединяет обращение к онтологии, к тем вопросам, которые связаны с бытием. Осуществляется возможность проследить, каким образом философы различных эпох включали тему бытия в свои размышления, связывая её, например, со свободой, с Богом или с языком.

Содержание

Платоновский Космос в контексте онтологической проблематики	5
«Божественное» бытие в свободном и несвободном мире Бенедикта Спинозы	11
Универсальный оптимизм Готфрида Лейбница	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Очерки по истории философии: онтологические первоначала западной мысли

**Максимилиан
Неаполитанский**

© Максимилиан Неаполитанский, 2020

ISBN 978-5-0051-2604-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Платоновский Космос в контексте онтологической проблематики

Диалог Платона «Тимей» близко связан с моей личной историей – отрывки из него (ещё до поступления на философский факультет) впервые попались мне в бульварном богословском сочинении (книга с развала) *без* ссылок на самого Платона. Тогда показалось, что эти отрывки носят глубоко религиозный характер. Потом, конечно, я узнал, *откуда* они взяты и воспринял их уже с другой точки зрения. И всё же первое впечатление оказалось достаточно сильным. Сейчас же нужно от всего этого отказаться, потому что предстоит рассмотреть одну из важнейших частей «Тимея». В ней Платон говорит о порядке сотворения мира демиургом, космосе и цели первообраза.

Начать, пожалуй, стоит с определения космоса, – что такое космос для древнего грека? Греческий *Κοσμος*, по словам А. В. Ахутина, в первую очередь есть *порядок*, но не просто порядок, а «нарядный порядок»¹, имеющий в своём изначальном смысле эстетическую значимость и цельность. У Платона также находим, что «космос – прекраснейшая из возникших вещей»². Конечно, стоит сделать поправку

¹ Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб., 2007. С. 288.

² Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. С. 510.

на то, что многие философские понятия в античности просто не существовали – «как Платон и Аристотель, так и их позднеантичные и средневековые последователи обходились не только без термина „эстетика“, но, что гораздо существеннее, и без самого понятия эстетики»³, – замечает С. С. Аверинцев. Также у Аверинцева можно найти множество построений насчёт связи бытия и красоты, онтологии и эстетики, которые помогут лучше понять греческий космос, а в дальнейшем – средневековый взгляд на *божественное*. Например, такое размышление по поводу доказательств *бытия Божия* у Фомы Аквинского: «Эти „доказательства“ правильнее было бы назвать „показательствами“, ибо сами мыслители греческой патристики предпочитали говорить не о „доказывании“, но о „показывании“ бытия Бога: различие этих терминов, как известно, восходит к логической терминологии Аристотеля»⁴. Можно подумать, что это уже далеко от Платона, однако ответы на вопросы «каков космос?» и «каков порядок сотворения мира?» отчасти таятся в понимании красоты и прекрасного как такового, а также в понимании их связи с бытием. Здесь же и связь с первообразом. Платон и сам спрашивает нас – что за живое существо, по образцу которого устроен космос? – замечая до этого, что «невозможно ныне и было невозможно издревле, чтобы тот, кто есть высшее благо, произвел нечто, что не бы-

³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 35

⁴ Там же. С. 38.

ло бы прекраснейшим»⁵. По образцу... Этот образец и есть первообраз, смотря на который творит Демиург. Так происходит «процесс» творения – благое создаёт прекраснейшее, а каждая вещь создаётся «*по образу*». Вместе с этим Демиург «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности, устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем»⁶. Тут у Платона интересное размышление о сущности времени, которое также приближает нас к пониманию космоса и его порядка⁷. Получается, что время – это *образ* вечности, а цель творения – сама вечность.

Важно упомянуть и так называемые три основные области бытия, которые составляют центр платонизма, а затем становятся подосновой для неоплатонизма и будущего христианского богословия (например, у Псевдо-Дионисия Ареопагита, который испытал влияние Прокла⁸). Эти три основные области бытия таковы: ум⁹, материя¹⁰ и их соединение¹¹.

⁵ Платон. Сочинения в четырех томах... С. 512.

⁶ Там же. С. 518.

⁷ Можно подумать, что здесь имеет место тавтология, так как получается «*порядок порядка*», однако и у космоса (как у порядка) есть свой порядок или принцип, по которому он был создан Демиургом и по которому продолжается его существование.

⁸ Клаудио Морескини. История патристической философии. М., 2011. С. 800.

⁹ Платон. Сочинения в четырех томах... С. 511.

¹⁰ Там же. С. 531.

Создателя – Демиурга – Платон именует умом, однако пишет, что он «устроил ум в душе, а душу в теле и таким образом построил Вселенную, имея в виду создать творение прекраснейшее и по природе своей наилучшее». Здесь же мы вновь встречаем определения «прекраснейший» и «наилучший» – тот, чьё бытие самое *«красивое»*. Помимо этого, ум у Платона часто именуется «устроителем» или даже, если быть точнее, *«со-ставителем»* (здесь можно обратить внимание на анализ отдельных слов на языке оригинала – например, в комментариях А. Ф. Лосева), а также «творцом», «строителем» и «мастером». При этом ум также связан с миром и бытием, которое он создаёт, и, так как мир и бытие созданы «прекраснейшим», то они сами суть благие, а то, что не благо и смертно в мире – то создано теми, кого уже создал Демиург (ум)¹². Подобные идеи также стали одним из импульсов для христианизации платоновской концепции ума. Уже у Псевдо-Дионисия Ареопагита находим: «Будучи бытием Благости, самым фактом своего бытия Она является причиной всего сущего»¹³. Благой ум – Творец – создаёт бытие Благости, которое становится фактором своего же бытия. Также у Августина Блаженного (цитата в переводе С. С. Аверинцева): «Все, что есть, в той мере, в которой оно есть, при-

¹¹ Там же. С. 558.

¹² Там же. С. 559.

¹³ Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб., 2002. С. 233.

частью благу»¹⁴. Это ещё на шаг приближает нас к пониманию порядка сотворения мира, а также сути самого мира.

Другое основание области бытия – материя – представляется Платону чистым становлением, которое чуждо всякому оформлению, «поэтому не правы те, кто понимает эту материю как пространство; пространство уже есть некое оформление, материя же Платона – это чистейший аналог *иного*, как оно было выведено в отвлеченной диалектике „Парменида“»¹⁵. Материя есть *само*-становление, без формы, без пространства – её место только то, которое она сама занимает. Начало материи у Платона – и начало всего бытия – умозрительно, а также творимо единственным Богом-умом-Демиургом. В будущем это станет одним из предметов рассмотрения для Василия Великого (Кесарийского), который будет считать, что «те, кто не признали существования Бога, обратились к идее материального происхождения мира, за которым, как они мыслили, не стояла некая умопостигаемая причина»¹⁶. Однако же, как внимательно замечает Лосев, это не делает Платона монотеистом. Во-первых, монотеизм – это учение об абсолютной *личности*, которая творит мир из ничего (*ex nihilo*), а во времена Платона «не существовало даже термина „личность“»¹⁷. Важным тут для понимания «про-

¹⁴ *Augustini*. De vera religione, XI, 21. – Migne, PL, t. 34, col. 132.

¹⁵ *Платон*. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 650.

¹⁶ *Клаудио Морескини*. История патристической философии... С. 614.

¹⁷ *Платон*. Сочинения в четырех томах... С. 711.

цесса» является то, что творение у Платона происходит всё-таки из «*чего-то*». Также, во-вторых, «космогония и космология „Тимея“» гораздо чаще пользуются не теми терминами, которые указывали бы на свободное творение или созидание»¹⁸, но терминами, которые означают «возникаю», «становлюсь» и др. Таким образом, можно заметить, что Платон говорит об общей сущности мира, в то время как сам мир является лишь различным выражением этой сущности.

Делая вывод, важно кратко напомнить об ответах на поставленные в начале работы вопросы. Эти ответы содержатся в самом диалоге. Порядок сотворения мира Демиургом является сложным процессом, для которого *самотождественный* первообраз – образец творения, взирая на который, Демиург творит идеи и потенции вещей (28a). Космос же – сотворённый Демиургом порядок, в котором он же и пребывает, и это имеет связь с *диалектикой общекосмического тела*, появляющегося в результате единства ума-души, которое недвижимо, однако движет всё другое¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 711.

¹⁹ Ср. у М. Бубера: «То, чего нет, но что позволяет всему быть».

«Божественное» бытие в свободном и несвободном мире Бенедикта Спинозы

«Мир Спинозы» – действительно *Мир*. Быть может, даже в каком-то библихинском смысле. Самое главное тут, что Бенедикт Спиноза и его мир были едины. То есть учение соответствовало учителю во многих проявлениях. Спиноза стал предтечей для различных философских направлений. В его «Этике» с геометрической точностью рассмотрены многие онтологические вопросы. Среди них – тема свободы. Одна из важнейших для нидерландского мыслителя. Что такое свобода? Может ли человек быть свободным? На эти и не только эти вопросы мы попытаемся ответить с помощью нескольких построений.

В одной из своих лекций по экзистенциализму московский историк философии П. В. Рябов приводит известную и категоричную метафору: человек – это камень, который находится в свободном падении²⁰. Эта метафора стала важной составляющей экзистенциализма. Она заимствована у Спинозы. Сразу здесь виден парадокс: свободное падение. С одной стороны – это свобода. И её можно осознать. Но осознать

²⁰ Рябов П. Экзистенциализм. Возраст зрелости. М., 2019. С. 198.

как необходимость. Потому что нельзя не падать (таково изначальное условие). У Спинозы в «Этике» находим: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только *необходимости* своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, *принужденной* называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу»²¹ (курсив мой – М. Н.). Теперь полностью отойдём от экзистенциализма, вернёмся к нашей теме без посредников. В «мире Спинозы» у человека отсутствует свобода воли. Она, человеческая воля, есть проявление отдельных желаний. Возникновение желаний в свою очередь также обусловлено и имеет причины. Однако узнать *все* причины – просто невозможно. Это порождает иллюзию свободы. *Люди* думают, что «действуют свободно, потому что не знают, какими причинами обусловлены их влечения»²². Именно поэтому воля как таковая не может быть названа свободной причиной – она может быть только необходимой причиной²³. То есть причиной, у которой есть причина. То же самое, возвращаясь немного назад, и с камнем – ему неизвестна причина падения. Здесь же и возникает вопрос: знание причины дало бы свободу или только знание о своей несвободе?

²¹ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 1. М., 1957. С. 362.

²² Бессонов Б. Философские портреты. Омск, 2013. С. 31.

²³ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 1. М., 1957. С. 389.

Вернёмся к теореме (32), ссылка на которую была дана выше. В доказательстве этой теоремы Спиноза пишет: «все равно, представляется ли воля конечной или бесконечной, всегда найдется причина, которая определяла бы ее к существованию и действию, и потому воля не может быть названа свободной причиной, но только необходимой или принужденной»²⁴. Это ещё раз подтверждает изначальную мысль о необходимости. Спиноза также предоставляет нам учение об аффектах. Без них нельзя говорить о свободе в его понимании. Аффекты связаны с желаниями. Аффект (он же *страсть души*) есть «смутная идея, в которой душа утверждает большую или меньшую, чем прежде, силу существования своего тела или какой-либо его части и которой сама душа определяется к мышлению одного преимущественно перед другим»²⁵. Аффект для Спинозы – это отрицательное явление. У него тоже есть свои причины. Также можно предположить, что аффект есть единственное отклонение от несвободы. Ниже будет показана связь между Богом и несвободой (так как *совершенный* Бог не может порождать несовершенные аффекты). Аффект – это своего рода свобода, свободная ошибка. Такая свобода для Спинозы носит отрицательный характер. Из-за аффектов душа становится пассивной субстанцией. Но есть один путь, который может уменьшить влияние аффектов на душу. Этот путь – осмысление аффектов.

²⁴ Там же. С. 389.

²⁵ Там же. С. 519.

С его помощью можно приблизиться и к осознанию своей предельной несвободы. А также той свободы, которая проявлена в Боге.

Бог в системе Спинозы – единственная свободная причина бытия всех вещей, а также их сущности. Он, Бог, могущественен и совершенен. Важно здесь – Бог могущественен не потому, что есть могущество и есть Бог, и, совместив их, мы получаем могущественного Бога. Нет. Сама сущность Бога уже и есть могущество. Она, если угодно, первый и последний предел. Бог также постоянен. Он не может измениться, не может измениться его способ творения. Не могут быть изменены и степени совершенства различных вещей. Вещи совершенны в той степени, в которой таковыми они были созданы Богом. Потому что Бог не творит мир, противоположный от него. Он – имманентен и неотделим от вещей. Он, повторимся, причина их необходимости. Из-за этого ничто не может быть *само по себе*. Это исключительная прерогатива Бога. Он есть единственное, что существует само по себе. Из этих положений, конечно, могут быть сделаны выводы о свободе человека.

Разумеется, Спиноза на этом не останавливается. Важно сказать об отношениях Бога и человека. Бог в учении Спинозы – безличная абсолютная необходимость. Он – безличен. В отличие от христианского «личного Бога». Личный Бог – это тот, который меняет *своё личное* отношение ко мне. В случае Спинозы этого не может быть. Бог неизменен и по-

стоянен. Однако человек может изменить своё отношение к Богу. Лучшее отношение к Богу это необходимость. Это отношение строится на понимании обусловленности и необходимости всего в мире, который есть *истечение* Бога. Да, мир – это истечение (или *исхождение*) Бога. Тут Спиноза весьма близок к неоплатонизму. Бог также – это идея и самого Бога, и всех оставшихся сущностей. Можно было бы сказать здесь о субстанциях (или ипостасях), однако не будем столь отдаляться от темы свободы.

Не менее важно сказать о любви Бога. Выше шла речь об идее самого Бога. Идея самого Бога есть его же причина. Этим сопровождается наслаждение Бога своим бесконечным совершенством. Такое наслаждение связано с любовью Бога самим собою. Проще сказать так: Бог любит самого себя *бесконечной познавательной любовью*. Человеческая душа также бесконечна. Она есть выражение Бога. Если душа человек будет любить и познавать Бога, то таким образом будет выражаться любовь Бога к самому себе. И таким же образом душа будет созерцать самое себя. Любовь и познание Бога есть приближение к нему. Так как Бог единственно свободен, то приближение к нему и есть приближение к свободе²⁶.

Подведем первый итог. Только Бог – свободная причина. Спиноза об этом говорит с отчётливой ясностью: «один только Бог есть свободная причина. Так как только он один су-

²⁶ Там же. С. 611—613.

ществует и действует по одной лишь необходимости своей природы, то, следовательно, только он один есть свободная причина»²⁷. Всё остальное – имеет свои причины. Следовательно, это *всё остальное* – несвободно.

Подведём второй итог. Человек также несвободен. Он – определён и обусловлен Богом. Для всего в человеке, для каждого его действия есть причины, у которых тоже есть свои причины. Вплоть до мыслей: Бог – мыслит, мы мыслим мысли Бога. От того, что *все* причины нам неизвестны, появляется иллюзия свободы (метафора с камнем). Но – свобода как таковая отсутствует. И тут есть два пути (выхода). Первый путь состоит в виде «любви» к необходимости. Это может выражаться латинским афоризмом, который впоследствии использует Ф. Ницше: *amor fati*. Дословно – «любовь к судьбе». Однако это совсем не умоляет *детерминизма* Спинозы. Второй путь предлагает сам Спиноза: любовь и познание Бога. То есть самопознание Богом самого себя, которое осуществляется душой человека. Это и есть приближение к свободе (а также, по Спинозе, к спасению и блаженству). Ответ на поставленный изначально вопрос таков: да, человек в мире Спинозы несвободен. Без познания и любви к богу это подающий камень, который не знает *причин*, и от этого думает, что он свободен. Обретение несвободным человеком свободы лежит через абсолютно свободного Бога. Потенциально человек *может быть* свободным в мире Спинозы.

²⁷ Там же. С. 378.

Универсальный оптимизм Готфрида Лейбница

Лейбница можно назвать универсальным философом и учёным. Его деятельность выходила далеко за пределы «любви к мудрости». Этот немецкий мыслитель был и послом, и советником августейших особ, и другом многих учёных, а также математиком, юристом, языковедом и историком. Быть может, в этом было выражение некоторой избыточности, которая каждый раз теперь тенью падает на его философские работы. Об избыточности свидетельствовал и оптимизм Лейбница, его радость, радость, радость... Не зря Вольтер выводит фигуру этого философа в своей повести «Кандид, или Оптимизм». Именно там рефреном повторяется известная формулировка: «всё к лучшему в этом лучшем из миров». И в один момент (и это закономерно) в голове как бы появляется неприятный приторный вкус, который не даёт впоследствии непредвзято читать и изучать Лейбница. Конечно, на восприятие здесь вполне повлиял Вольтер. Однако и без него (например, в работе «Порядок есть в природе») при чтении Лейбница может явиться тот *пере*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.